

Я сказала: «Не будем спорить, пойдём лучше посмотрим на зрелище». Схватив её за руку, я сошла с осла и направилась к лагерным шатрам. Внутренние слуги, завидев нас, сразу поняли, что мы пришли на петушиные бои, и с улыбкой сказали: «На среднем дворе постоянного двора». Они проводили нас туда, и действительно, в главном зале были отец, матушка, князь У и множество прочей императорской родни. В боковом зале за занавеской наблюдали многие придворные дамы и цайжэни. Увидев меня, они тут же расступились, а кто-то даже хотел принести стул, но я поспешно остановила их, помахав рукой. Взяв за руку Вэй Хуань, я встала впереди всех.

На арене был огромный боевой петух. Обычные петухи не бывают выше двух-трёх чи, а этот достигал почти половины человеческого роста. Расправив крылья и взъерошив перья, он стоял горделиво и уверенно, за несколько ударов загнал другого петуха в угол и резко клюнул, оторвав тому полгребешка. Кровь брызнула во все стороны. Евнух подошёл, чтобы разнять их, но петух бросился и на него, словно собираясь клюнуть и человека. Молодой слуга испуганно отпрыгнул, впопыхах схватил побеждённого петуха и отступил.

На лице отца стало ещё заметнее недовольство, но, из-за присутствия Нарси, он не стал выказывать гнева и лишь спросил сдержанно: «Есть ли ещё желающие выставить своего петуха?»

Князь У, который до этого стоял в толпе, услышал что-то сказанное ему на ухо, обрадовался и произнёс: «Мой недостойный сын в свободное время тоже держал пару петухов. Хотя они, возможно, не сравнятся с птицей князя Нарси, но, надеюсь, доставят Вашему Величеству минутное развлечение».

Отец позволил себе лёгкую улыбку и велел выставить того петуха. То был крупный самец, в размахе крыльев почти не уступавший птице Нарси, лишь чуть пониже ростом.

Тут же подоспел и Ли Жуй. Увидев петуха князя У, он нахмурился и бросил взгляд своему евному. Тот вышел. Я заметила это и переглянулась с Вэй Хуань. Она поняла и вышла, а вскоре вернулась, велел принести мне жаровню и расставить фрукты с закусками. Усадив меня, она тихо сказала: «Петух князя Цзи оказался хуже, чем у князя У, поэтому его унесли».

В сердце моём почему-то возникла смутная тоска, но я собрала с духом и продолжила наблюдать. Петух князя У, хоть и выглядел внушительно, не выдержал и десяти схваток и был побеждён. Недовольство на лице отца стало ещё явственнее. «Есть ли ещё кто?» — снова спросил он.

На мгновение воцарилась тишина. Никто не осмеливался откликнуться, даже князь У хранил молчание. Мы, сидевшие за занавеской, тоже приуныли. Я невольно наклонилась вперёд, огляделась и тихо спросила Вэй Хуань: «Неужели во всём Чанъане не найдётся петуха, который одолел бы его?»

Вэй Хуань ответила: «Петушиные бои — забава пустяковая. Даже одержав победу, нечем особенно гордиться. Не стоит придавать этому значения». Хотя говорила она так, рука её невольно сжала мою крепче.

Нарси, потомок последнего персидского шаха, нашедший приют в Великой Тан, получил от отца титул «князя Персидского» и осел в Чанъане. Не будучи человеком особо заносчивым, он, видя неловкое молчание, сам вышел, чтобы сгладить ситуацию. «Если больше нет желающих, — сказал он, — то побеждает мой петух. Этот вечный победитель достоин вечно победоносных Священного Небесного Императора и императрицы Тяньхоу Великой Тан. Нарси почтительно

подносит эту птицу в дар Небесному Императору и императрице Тяньхоу, желая Их Величествам долголетия, здоровья и вечного мира».

Едва он умолк, матушка вдруг рассмеялась: «Юноши Великой Тан в основном почитают конфуцианское учение, верховую езду и стрельбу из лука. Такие же забавы, как петушинные бои и травля собак, — удел девичьих потех. Твой петух побеждает сейчас лишь потому, что наши танские девицы ещё не вступили в игру. Прикажи мы знатым дочерям выставить своих бойцовых петухов — твой бы тут же проиграл».

Слова эти были пустыми, и лица императорской родни снаружи вытянулись. Нарси тоже изобразил на лице недоумение — он давно жил в столице и, конечно, знал здешние нравы. Он понимал, что матушка просто говорит для приличия. Благоразумнее всего было бы согласиться с ней, пробормотать что-нибудь почтительное, и дело бы сошло на нет, никому не пришлось бы краснеть. Но он, будучи прямодушным иноземцем, сказал: «Если так, то осмелюсь ли я просить знатных девиц преподать мне урок?» Говоря это, он взглянул в нашу сторону — явно зная, что за занавеской кто-то есть.

Туаньэр фыркнула: «Этот варвар совсем не знает правил».

А я, держа Вэй Хуань за руку, спросила: «А-Хуань, А-Хуань, что же делать?» Я слышала, что у тётушки Цинхэ дома водятся бойцовые петухи, но её сейчас здесь нет, и посылать за ней, пожалуй, уже не успеть. Да и неизвестно ещё, хороши ли её петухи.

Вэй Хуань нахмурилась, не отвечая. Зато Ваньэр сказала: «Раз императрица так говорит, у неё, несомненно, есть свой расчёт. Принцессе не стоит беспокоиться».

Она появилась тут только что, встала рядом с нами. Говорила она всегда мало, но каждое слово её было весомо. Я поверила ей и вскоре действительно услышала, как матушка снаружи произнесла: «Что тут сложного? Среди сопровождающих нас много девушек, искушённых в петушинных боях. Велеть позвать любую — и дело с концом». Она словно небрежно махнула рукой, и Гао Яньфу поклонился и вышел. Не прошло и мгновения, как он ввёл внутрь Дугу Шао, возгласив: «Дочь князя Лонаня, Шилюнян, просит разрешения выставить петуха».

Дугу Шао уже переделалась в ханьскую одежду, на ней была аккуратно надета мила, и она поклонилась всем присутствующим.

За ней шёл евнух, нёсший петуха, который был даже меньше, чем у князя У, и вдвое меньше, чем у Нарси.

Нарси с недоверием посмотрел на эту птицу и, минуя Дугу Шао, обратился прямо к матушке: «Императрица Тяньхоу действительно желает устроить поединок с этим петухом?»

Матушка с безучастным видом улыбнулась: «В конце концов, сегодня мы ничем не заняты. Лишний поединок не помешает».

Отец, видя её выражение лица, тоже сказал: «Пусть будет». Он приказал свести петухов. Большой петух Нарси, казалось, побаивался петуха Дугу Шао и не бросился вперёд, как прежде, а лишь похаживал по арене, оглашая её кукареканьем. Спустя некоторое время, потеряв терпение, он взметнул крыльями и клюнул в гребень, как делал с предыдущим соперником.

Но петух Дугу Шао оказался очень ловок. Увидев атаку, он взмахнул крыльями и увернулся. Так повторилось несколько раз. Большой петух, ободрившись, вновь яростно напал. Маленький

же только уворачивался, взлетая и опускаясь, пока вся арена не усеялась перьями.

Раньше я не придавала значения подобным играм и состязаниям, но теперь, увлѣкшись зрелищем, почему-то стала волноваться за этих петухов. Я сжала руку Вэй Хуань и, не отрывая взгляда, следила за боем. И за занавеской, и перед нею все затаили дыхание.

Поначалу казалось, что петух Нарси одерживает верх, а петух Дугу Шао только отбивается. Но постепенно большой петух начал терять терпение, яростно клюя и хлопая крыльями. Маленький же не спешил, ловко увернувшись с десятков раз, внезапно взмыл в воздух и опустил на ограждение. Большой петух, промахнувшись, ринулся в погоню, но маленький стремительно спикировал вниз, нанеся удар прямо в шею противника, а затем принялся яростно долбить, сделав десятки ударов в мгновение ока. Сначала большой петух отчаянно бил крыльями, но вскоре, не вынеся боли, попятился, сделал несколько шагов и рухнул наземь. Маленький продолжал клевать, пока глаза большого не были совсем выбиты, а голова не повисла набок — шея была переломлена.

Дугу Шао достала бамбуковый свисток и свистнула. Маленький петух гордо вышагивал назад и замер перед ограждением. Дугу Шао, улыбнувшись Нарси, сказала: «Прошу простить моё убожество».

Нарси стоял, разинув рот, глядя на тушку своего петуха. Он развёл руки, потом снова опустил, лицо его менялось от одной мысли к другой. Наконец он горько усмехнулся: «Я, подданный с окраин, невежествен и узколоб, посмешище для императора и императрицы Великой Тан».

Отец улыбнулся: «Девичьи забавы — всего лишь искусство малое. Победа в них не приносит особой славы. Но твоя преданность, явленная в подношении, достойна похвалы. Сегодня вечером я устрою пир в твою честь. Сообщи об этом своим персам».

Нарси, смущѣнный, удалился. Затем отец обратился к князю У, Ли Жую и прочим: «Всѣ это — мелочи. Ваше поражение простительно. Вместо того чтобы тратить время на петушьи бои и травлю собак, лучше бы вам больше читать канонов и постигать искусство управления государством и помощи в правлении».

Князь У улыбнулся: «Мы почтительно принимаем наставление Вашего Величества». Затем добавил: «Наблюдая за боем этих петухов, я сложил несколько строк. Осмелюсь предложить «Воззвание против петуха князя Нарси» для развлечения за пиршественным столом. Не знаю, разрешите ли, и почтительно ожидаю высочайшего решения».

Отец усмехнулся: «Напиши — тогда посмотрим». Затем он повернулся к Дугу Шао и спросил: «Ты — шестая дочь Юанькана? Твоя мать — из рода Цуй?»

Дугу Шао ответила: «Госпожа Цуй — первая супруга моего отца, скончалась от болезни. Моя матушка — из рода Пэй».

Отец улыбнулся: «Потомок знатного рода — недаром в тебе такая стать. Сегодня ты хорошо показала себя. Дарую тебе десять изделий из золота и серебра и триста штук шёлка-цзянь».